

Он перевернул первую страницу.

Края бумаги слегка закрутились — это были следы того, как он в гневе швырнул её на пол. Пальцами он принялся разглаживать складки. Бумага была грубой на ощупь, словно старые мозоли на руках.

Этой ночью Су Янь не спал.

Он сидел, прислонившись к спинке кровати. Свет он не включал, довольствуясь лишь вечным сиянием города, просачивающимся сквозь щель в занавесках, и всю ночь читал сценарий.

Это не было чтением в привычном понимании, скорее — выполнением программы. Глаза скользили по строчкам черных букв, текст проникал в мозг, но не вызывал ни единого отклика. Боксер в истории боролся, истекал кровью, кричал. А он был лишь сторонним наблюдателем, бездушным считывающим устройством.

На следующее утро, когда тетя Ван принесла завтрак, Су Янь уже сидел в инвалидном кресле у окна в гостиной.

Он съел всю еду — без сопротивления, с пустым выражением лица.

Он знал, что тело ему больше не принадлежит. Это просто инструмент, чьи базовые функции нужно поддерживать, чтобы в будущем им мог воспользоваться Гу Ечэнь. Ему нужна была энергия не для того, чтобы жить, а для того, чтобы быть использованным.

Покончив с завтраком, тетя Ван унесла посуду, не проронив ни слова.

Все утро Су Янь провел у окна. Сценарий лежал у него на коленях, но он больше не открывал его, просто смотрел наружу. Смотрел на ползающие внизу, словно жуки, машины, на слепящие блики солнца, отражавшиеся от стеклянных фасадов высоток вдалеке.

Мир продолжал вращаться, а он был изолирован от него.

Ровно в два часа дня.

Система контроля доступа издала тихий электронный сигнал.

Тетя Ван подошла и открыла дверь.

Вошла женщина.

Су Янь развернул кресло и посмотрел на вход.

Это была дама лет сорока, высокая, в безупречно скроенном сером брючном костюме. Волосы были тщательно уложены в причёску на затылке, на лице — очки в золотой оправе. Глаза за стеклами — острые и холодные.

Она не была похожа на добродушную учительницу. В ней чувствовалась порода, схожая с натурой Гу Ечэня — та самая неоспоримая властность, которая формируется у людей, долго занимающих высокое положение.

Она подошла к Су Яню и протянула руку:

— Господин Су, моя фамилия Лю. С сегодняшнего дня я отвечаю за ваши занятия по актерскому мастерству.

Её руки были ухоженными, но кончики пальцев — ледяными.

Су Янь не ответил на рукопожатие, лишь смотрел на неё.

Преподаватель Лю не смутилась, она спокойно убрала руку, перевела взгляд на гипс на ноге Су Яня, а затем снова посмотрела ему в лицо. Её взгляд, подобно скальпелю, препарировал его.

— Господин Гу сказал, что вы очень талантливы, — произнесла она. Голос был таким же профессиональным и лишенным теплоты, как и её облик. — Давайте проверим.

Она не стала доставать никаких учебных пособий, просто придвинула стул и села напротив Су Яня. Расстояние было слишком коротким, и это заставило Су Яня почувствовать себя оскорбленным.

— Смотрите на меня, — сказала преподаватель Лю.

Су Янь встретился с ней взглядом.

— А теперь забудьте о своей ноге, забудьте, что сидите в инвалидном кресле, — её голос был негромким, но обладал гипнотической силой. — Выпрямите спину.

Су Янь машинально дернулся, но по привычке выпрямился лишь для вида.

Чья-то рука внезапно нажала ему на спину между лопатками.

Это была рука преподавателя Лю.

Сквозь слой хлопковой одежды ладонь ощущалась как раскаленный кусок железа, жестко давящий на позвоночник.

— Я сказала — выпрямитесь, — повторила она, усиливая нажим.

Непреодолимая сила заставила его грудную клетку раскрыться, а плечи — расправиться назад. Тело вынужденно приняло прямую, исполненную силы позу. Это положение казалось ему чуждым и неудобным.

— Дышите, — другая рука преподавателя Лю легла ему на живот, в область диафрагмы.

Дыхание Су Яня сбилось.

— Сейчас вы дышите грудью. Коротко и поверхностно. Как тонущий человек, — её пальцы слегка надавили на живот. — Используйте это место. Направьте воздух сюда.

Её кончики пальцев, словно точный зонд, нащупали центр его тела.

Су Янь попытался выполнить команду, но от напряжения тело сковало, оно совершенно его не слушалось.

— Расслабьте плечи, — преподаватель Лю убрала руку со спины и сжала его плечи. Её пальцы были сильными: она точно нашла напряженные трапециевидные мышцы и с силой надавила на них.

Боль разлилась по телу.

Су Янь глухо застонал, невольно подавшись вперед.

— Не сопротивляйтесь, — в голосе преподавателя Лю не было ни капли сочувствия. — Ваше тело — это музыкальный инструмент. Если оно постоянно напряжено, оно не издаст ни звука. Сейчас вы — бракованный товар.

Бракованный товар.

От этого слова зрачки Су Яня резко сузились.

Он перестал сопротивляться. Он обмяк, позволяя женщине давить на него, настраивать его. Он превратился в бездушную куклу, с которой возилась незнакомка.

— Отлично, — преподаватель Лю разжала пальцы. — Теперь читаем.

Она не стала трогать сценарий, а достала из своей сумки сложенный лист бумаги и протянула Су Яню.

Это было короткое стихотворение в стиле современной поэзии.

— Читайте.

Су Янь взял листок. Бумага была плотной, с острыми краями. Он опустил глаза на строчки.

Заговорил он сухим, ровным голосом, похожим на старый магнитофон:

— Ветер стих...

— Стоп, — прервала она его. — Смотрите на меня и читайте.

Су Янь поднял голову, встретившись с её безэмоциональными глазами за стеклами очков.

— Ветер стих... и облака умерли... — продолжал он, голос по-прежнему был монотонным.

— Вы делаете сводку погоды? — в тоне преподавателя Лю проскользнула насмешка. — Я не вижу ветра, не вижу облаков. Я вижу лишь молодого человека в инвалидном кресле, который зачитывает мне прогноз погоды.

Губы Су Яня сжались в тонкую линию.

— Еще раз, — скомандовала она.

— Ветер стих... облака умерли... река забыла, как течь...

— Где ваша река? Я не слышу шума воды. Ваш голос суше, чем воздух в этом доме.

— Еще раз.

— Ветер стих...

— Стоп! Где ваш ветер? Где он пролетел? По вашему лицу или по волосам? Что он унес с собой? Температуру или надежду?

Каждый вопрос преподавателя Лю был словно шило, вонзавшееся в его закрытую душу.

Костяшки пальцев Су Яня, сжимавших бумагу, побелели. Края листа глубоко врезались в ладонь.

— Я не знаю, — наконец выдавил он хриплым голосом.

— Конечно, не знаете, — преподаватель Лю откинулась на спинку стула. — Потому что вы мертвы. Ваше сердце умерло еще до того, как вы произнесли первое слово.

Она смотрела в глаза Су Яню, чеканя каждое слово:

— Су Янь, господин Гу платит мне деньги не для того, чтобы я учила труп разговаривать. Ему нужен актер. Актер, который заставит зрителя поверить во все, что он пережил. Если вы не справитесь, я без колебаний скажу ему, что он купил бесполезный брак.

Её слова ранили больше, чем любые оскорбления, потому что это была правда.

Су Янь опустил голову, глядя на свою ногу в гипсе. Он видел свои руки, мелко дрожащие от гнева и унижения.

Он — вещь, которую купили. Товар, чью стоимость сейчас оценивают.

Он медленно поднял голову и снова посмотрел на преподавателя Лю.

Его взгляд изменился.

В нем больше не было пустоты, там вспыхнул крошечный черный огонек. Это была не надежда — это была ненависть, загнанного в угол человека, несущая в себе жажду разрушения.

Он снова заговорил:

— Ветер стих.

Голос был тихим, с придыханием, словно этот ветер только что ускользнул у него с губ, унося последние силы.

— Облака умерли.

Голос стал еще ниже, окрасившись в тона безнадежности.

В глазах преподавателя Лю за стеклами очков мелькнул едва уловимый блеск.

Она не прервала его.

Су Янь продолжал читать. Он не смотрел в листок, он смотрел на эту женщину, словно она была источником всей его боли. Всю свою ненависть к Гу Ечэню, всю свою немиримость он вложил в эти несколько строк.

Дочитав последнюю строчку, он обессиленно откинулся на спинку кресла, тяжело дыша. Грудь его бурно вздымалась, лицо покрылось потом.

В гостиной воцарилась тишина.

Преподаватель Лю смотрела на него, не говоря ни слова.

Прошло много времени, прежде чем она встала и поправила одежду.

— На сегодня хватит, — сказала она всё тем же профессионально-холодным тоном. — Завтра в то же время.

Она не дала никакой оценки — ни хорошей, ни плохой. Просто взяла свою сумку, повернулась и направилась к выходу.

Когда тетя Ван открыла перед ней дверь, она остановилась и оглянулась на Су Яня.

— Господин Су, — произнесла она, — боль — это тоже своего рода талант. При условии, что вы умеете им пользоваться.

Сказав это, она вышла.

Дверь за ней закрылась.

Су Янь сидел один посреди огромной гостиной. Лучи закатного солнца падали из панорамного окна, вытягивая его тень в длинную-длинную полосу.

Он опустил взгляд на свою раскрытую ладонь.

Там, где края бумаги впились в кожу, остался глубокий красный след.

И из этой царапины медленно сочилась капля крови.

<http://bllate.org/book/21842/2264544>